

УДК 1:316:316.612:316.344.5:347.152

АВТОНОМИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ПРАВО НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ

© 2008 А.В. Петров

Волгоградский государственный медицинский университет

Поступила в редакцию 12 сентября 2008

Аннотация: статья посвящена противоречивым представлениям о персональной автономии в социальной практике. В современном демократическом обществе признается право индивидов на автономию, более того, соблюдаются определенные правила поведения, соответствующие уважению принципа автономии. Однако эти представления не имеют правовой основы, в законодательстве фигурирует термин «свобода», а не «автономия». Автор считает эти понятия соотносимыми, но не тождественными. Делается вывод, что признание автономии в социальной практике связано не с законодательным обеспечением прав личности, а с обычаем.

Ключевые слова: свобода, автономия, личность, право, мораль, этикет, принятие решений.

Abstract: the article is devoted to the analysis of inconsistent representations about personal autonomy in a social practice. The right of individuals to autonomy admits a modern democratic society the certain rules of behavior corresponding respect of a principle of an autonomy, moreover, are observed. However these representations have no legal basis, the term “freedom”, instead of “autonomy” appears in the legislation. The author considers these concepts as corresponding, but not identical. The conclusion is done, that the recognition of autonomy in a social practice is connected not with legislative maintenance of the personal rights, and with custom.

Keywords: freedom, autonomy, the person, the right, morals, etiquette, decision-making.

Юридическим аналогом этического принципа уважения автономии личности является концепция прав человека. Ее конкретизация для отдельных областей социальной практики часто трактуется как право на принятие решений, свободу принятия решений, свободу действий, хотя последняя очевидно носит вторичный характер. Для того чтобы эксплицировать комплементарность правового и этического отношения к автономии, необходимо, прежде всего, установить, что это такое.

Со времен Канта, автономия была важным понятием в философии. Как термин с длинной историей, она объяснялась, развивалась и интерпретировалась многими авторами. Не удивительно, что с течением времени автономия стала понятием, относящимся ко многим различным областям знания, а ее смысл стал поливариантным (разумность, свобода, независимость, самоопределение и т. п.). Для правильного понимания

некоторых специальных значений этого понятия необходимо определённное количество знаний в его теоретической области. Отдельно от ее происхождения в работах Канта, автономия, как ее понимают в настоящее время, также появляется в работах Милля о свободе.

В философии и этике понятия автономии и свободы все еще очень близко связаны. В современных исследованиях эти два термина иногда используются как равнозначные, а иногда — как отличные друг от друга понятия, точное значение которых может значительно изменяться в зависимости от автора.

Примерно с середины прошлого века стали говорить о различиях положительной и отрицательной свободы. К отрицательной свободе относится свобода действий и свобода столкновений с другими, в то время как к положительной свободе относится внутренняя свобода или свобода желаний (воли). Первая сосредоточивается на отношениях между людьми, в то время как вторая сосредото-

чивается на личных способностях человека, что влияет на собственный выбор и непосредственно на его жизнь, согласно собственному разуму и целям. В современной философии многие авторы используют слово «свобода» исключительно для обозначения отрицательной свободы, а слово «автономия» — для положительной. В этике термин «автономия» обычно относился и к правильному самоопределению, которое изначально относится к невмешательству (или отрицательной свободе), хотя доводы и соображения, связанные с положительной свободой, упоминались также часто. В философских теориях автономии акцент делается на внутреннюю (положительную) свободу, при этом различают автономию как способность, автономию как действительное состояние, как идеальный характер и автономию, как право к наивысшему влиянию.

Согласно первому значению, автономия — это способность к самоуправлению, которая, как считал Фейнберг, зависит от умения делать рациональный выбор [4, 110]. Эта способность понимается как действительное состояние самоуправления. Автономия, как идеальная особенность, состоит из определённого сочетания достоинств, которые определяют действительное состояние автономии. По мнению Фейнберга, «идеал автономных людей — это подлинная индивидуальность, чье самоопределение совершенно в соответствии с его потребностями и, конечно, принадлежность к обществу» [5, 45].

Чтобы описать автономию как право, Фейнберг использует политическую метафору верховной власти национального государства, для того, чтобы показать этот интерес независимого права к самоуправлению, основную высшую власть над самим собой. Как считал Фейнберг, право автономии не следует понимать как право действительного состояния автономии. Не было бы смысла требовать права иметь определенную собственность, или обладать определенными достоинствами, и Фейнберг не ссылаясь на это.

Право власти — это право управлять собой, право принимать решения и поступать в соответствии со своим собственным выбором без вмешательства других. Право иногда может быть оправдано вмешательством других, когда выбор человека не «свободен» (т. е. ограничен или внутренними или внешними силами); некоторая степень внутренней свободы выбора, или случайная автономия, следовательно, может рассматриваться, как предпосылка к праву высшей власти. Однако, в анализе Фейнберга, право автономии оказывается основным правом невмешательства, или, другими словами, отрицательной свободой. Хотя право высшей власти — это не право обстоятельств автономии, можно без труда доказать, что право высшей власти защищает проявление способностей для

самоопределения при вмешательстве других, и такие возможности человека, как достижение или поддержание состояния автономии.

Литература об автономии упоминает множество причин ее значимости. Долгое время к автономии относились как к праву на независимость, но она также трактовалась как моральный идеал. Первая прикладная причина ценности автономии, которая первична как доказательство ценности права самоуправления, включала утверждение, что сами люди обладают наилучшими знаниями о собственном благополучии, и, следовательно, в их интересах сделать выбор для самих себя. Вторая прикладная причина ценности автономии, в обоих смыслах — права невмешательства и в смысле действительного состояния — связана с первой причиной. Это утверждение о том, что собственный выбор способствует благу человека, даже если у него не всегда есть достоверные знания о собственном благополучии [2, 105]. Даже если человек делает выбор не в своих непосредственных интересах, тот факт, что он делает этот выбор самостоятельно, в любом случае дает ему ощущение свободы. Даже если он совершает ошибку — это его ошибка. С точки зрения этой субъективной теории блага, автономия ценна только в том случае, если человек действительно ценит свой выбор.

В субъективной теории блага, автономия ценна тогда, когда больше позитивных, чем негативных последствий саморефлексии. Согласно объективной теории блага, выбор хорош сам по себе, независимо от последствий. Если подходить с таких позиций, причина ценности автономии вряд ли будет материальной, здесь вступают в игру представления о внутренних ценностях автономии.

Свобода (которая может быть отождествлена с автономией в широком смысле) необходима для жизни. «Жизнь» относится не к биологическому представлению живого, а к биографическому представлению проведения жизни. Принимать решения и вести себя в соответствии с ними — это то, что определяет человеческую жизнь. Тот, кто полностью зависим, у кого нет вообще свободы — ни в действиях, ни в мыслях, не может прожить жизнь в таком смысле, с точки зрения философии он не является субъектом жизни, не является личностью. Люди придают своей жизни форму и значение, потому что обладают автономией. Наконец, проявление автономии — это то, что делает жизнь человека его собственной. Понятие автономии дает нам право выражать наше уважение человеку и различным человеческим способностям, и это фундамент наших нравственных отношений с другими.

Ценность автономии иногда доказывается при помощи апелляции к прикладным ценностям, это чисто прагматический подход, и

он, наоборот, принижает ценность автономии. Дело в том, что автономия самоценна. Ценность автономии как способности и состояния часто объяснялась ссылкой на внутренние ценности. Это показывает, как тесно автономия связана с другими понятиями, такими как честь, достоинство, гордость. Это также важно, потому что это способствует самоуважению, и это основа для взаимного уважения.

Ценности, которые мы ассоциируем с автономией как со способностью и состоянием, тесно связаны с нашим идеальным представлением о том, что значит быть личностью, и нашими взглядами на смысл жизни. Автономия – это уникальное качество человека; одна из способностей, которая отличает человека.

Прикладной смысл автономии личности лучше всего раскрывается там, где речь идет о сопряженных ценностях – здоровье и жизни человека. Так, в стандартных работах и учебниках по праву и этике автономия вообще понимается как право личности на самоопределение в том, что касается медицинских и исследовательских методов. В юридическом смысле – это право на самоопределение является, прежде всего, отрицательным правом на невмешательство: право принимать решения относительно собственной жизни, исключая контроль других [6, 311]. Принцип уважения автономии, таким образом, функционирует как нравственное правило, которое защищает индивидов от нежелательного вмешательства представителей патерналистских групп, и стало принципом, который руководит взаимодействием между личностями и теми, кто несет за них социальную ответственность. Принимая это определение, юридическая и этическая литература обсуждает различные аспекты и проблемы, связанные с автономией личности [3]. Как мы можем удостовериться, что уважаются права индивидов? Может ли что-нибудь оправдать вмешательство в эти права, и если да, то что? Что составляет свободный или автономный выбор? Когда человек неспособен к принятию такого решения, и как могут уважаться его права, когда он не способен их осуществить?

Главным образом, эти вопросы повторяют вопросы автономии и патернализма, но как более общие социологические, юридические и этические проблемы. Развитие ведущих современных теорий об автономии и патернализме в юридической и политической философии происходило одновременно с развитием современной прикладной этики. Несмотря на то, что они влияли друг на друга, эти одновременные события остались до некоторой степени независимыми в сферах философии и других социальных наук. В результате появилось много подобий и взаимосвязей между теориями

автономии и патернализма вообще и теориями автономии личности, прав человека и патернализмом в этике и социологии, в то время как авторы в соответствующих областях часто используют разные определения и интерпретации главных концепций. Например – концепция доброй воли. То, как ее использует Фейнберг, отличается от концепции добровольности, как ее используют в теории информированного согласия [1]. Простой пример – концепция имеющего силу согласия, как ее использует Ван де Вир в его рассуждении о патернализме, которая не идентична концепции информированного согласия, используемой в этике [7]. Рассуждения об автономии, патернализме и информированном согласии вместе концентрируются на тех же проблемах и интенциях, но подходят к ним с различных сторон или под разным углом.

Для понимания практического применения принципа автономии необходим анализ патерналистских установок и некомпетентности. Что касается некомпетентности, наиболее поразительным является то, что данный термин редко употребляется в практике. Тем не менее, познавательные способности индивидов остаются важным фактором в принятии решений. Обычно, принимая во внимание познавательные способности индивидов, можно лучше объяснить их жизненную ситуацию. В большинстве случаев молчаливое согласие индивидов принимается, даже если ясно, что человек плохо понимает предоставляемую информацию.

Некоторые люди явно некомпетентны в ряде жизненных вопросов, тогда как другим компетенции не занимать, но также существует группа индивидов, познавательные способности которых, а также способность принятия решений, считаются спорными. Для этой группы вопрос, насколько вескими считать желания самой личности в процессе принятия решений, и особенно вопрос вескости их согласия или отказа является трудным. Также важны вопросы, не связанные с познавательными способностями личности.

На практике, как и в теории, вопрос некомпетентности оказывается взаимосвязанным с вопросом патернализма. Существуют ситуации, в которых действия социальных агентов защиты прав человека нельзя интерпретировать как патерналистские с точки зрения теории этики, но, тем не менее, данные ситуации имеют некоторый патерналистский оттенок.

Общий вывод, который можно сделать на основе анализа эмпирического материала с точки зрения самоопределения и принятия решений, это то, что в повседневной социальной практике решения, требующие вывода между двумя и более вариантами, или решения, явно включающие нормы, ценности, по поводу которых существу-

ет серьезное разногласие, происходят не так уж часто. Тот факт, что многие люди не хотят включаться в принятие решений, и что существуют решения, влекущие серьезные последствия, или возможные противоречия, вызвал два вопроса. Первый вопрос: должна ли автономия обязательно проявляться в активном участии в принятии решений или она может также проявляться другими способами? Что может означать автономия личности помимо принятия решений или дачи согласия на какие-то действия?

Независимость и самостоятельность, часто рассматриваемые как синонимы автономии, высоко ценятся некоторыми людьми, особенно в вопросах личных отношений. С другой стороны, есть случаи, когда человек предоставляет все решать окружающим, не проявляя личной инициативы.

Для того чтобы ответить на вопрос о значении автономии в ситуациях, не требующих решений, можно проанализировать эмпирический материал с точки зрения теории автономии. При этом идея равноуровневой личности малополезна. Некоторым людям приходится из-за своих личных обстоятельств переоценить ценности и цели и изменить свой «образ-Я» и жизненные планы, что является частью процесса автономизации личности.

Второй вопрос возникает из наблюдения ситуаций, когда многие люди демонстрируют слабый интерес к участию в принятии решений. Он касается того, как это следует оценить с точки зрения автономии как идеального образа. Являются ли такие люди, предоставляющие принятие решений другим, неавтономными? Нужно ли их стимулировать для более активного участия в жизни социума? Анализируя эмпирический материал с учетом этих вопросов, можно увидеть, что они зачастую обосновывают и объясняют свою безынициативность доверием власти, начальству, друзьям, родным, профессионалам и т. п. В то время как идея доверия оказалась важной на практике, в теории этики она недоработана. В юридическом плане она вообще не стоит.

Другой проблемой является то, как различные способы убеждения индивидов влияют на добровольность их согласия на какие-то действия, необходимые с точки зрения других. Также существует вопрос принятия решений для полностью некомпетентных людей (например, младенцев, психиатрических пациентов), но роль автономии в принятии решений вместо некомпетентных индивидов поднимает такое количество специфических вопросов, что это заслуживает отдельного внимания.

В целом, можно сделать вывод, что представления об автономии личности в социальной практике носят противоречивый характер. В современном демократическом обществе признается право индивидов на автономию, более того, соблюдаются определенные правила поведения, соответствующие уважению принципа автономии. Однако эти представления, строго говоря, не имеют правовой основы в связи с тем, что в законодательстве фигурирует термин «свобода», а не «автономия». А мы уже показали, что это понятия соотносимые, но не тождественные. Поэтому признание автономии в социальной практике связано не с законодательным обеспечением прав личности, и даже не с этическим принципом, а, скорее, с этикетом.

Таким образом, обнаруживается качественное различие в философской трактовке автономии и в ее прикладных значениях. Механизм редукции здесь явно не отработан, а без этого трудно решить многие проблемы, связанные с защитой прав человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Appelbaum P.S. Informed Consent / P.S. Appelbaum, C.W. Lidz & A.M. Meisel. — N.Y.: Oxford Un. Press, 1997.
2. Brock D.W. Paternalism and Autonomy / D.W. Brock // Ethics/ — V. 5 (1988). — P. 105.
3. Dworkin R. Life's domination / R. Dworkin. — N.Y.: Alfred A. Knopf Inc., 1993.
4. Feinberg J. Harm to self. The moral limits to the clinical law / J. Feinberg. — N.Y.: Oxford Un. Press., 1986. — P. 110.
5. Feinberg J. Harm to self. The moral limits to the clinical law / J. Feinberg. — N.Y.: Oxford Un. Press., 1986. — P. 45.
6. Schermer M. The different faces of autonomy / M. Schermer/ — Dordrecht: Kluwer Academic publishers, 2002. — P. 311.
7. Van De Veer D. Paternalistic intervention / D. Van De Veer. — Princeton NJ: Princeton University Press, 1986.

Петров А. В.
 Волгоградский государственный медицинский университет
 Кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры философии, биоэтики и права.
 nns18@yandex.ru

Petrov A. V.
 Volgograd state medical university.
 Candidate of Law, Assistant Professor, PhD-seeker of Department of Philosophy, Bioethics and Law.
 nns18@yandex.ru